

Никто не говорил о том, что когда чувства начинают постепенно угасать, человек непременно это замечает, и в душе всё становится лишь яснее.

Гу Цзюэ знал, что его чувства к Сяо Юю угасают и уменьшаются с каждым мгновением... Словно переполненный кувшин: глубокая привязанность, что он некогда вырезал в самом своём сердце, была до краёв наполнена водой, и каждый раз, когда Сяо Юй причинял ему боль, этот кувшин трескался ещё сильнее.

Гу Цзюэ не знал, настанет ли день, когда вода в нём иссякнет до последней капли. Быть может, когда этот день придёт, он наконец обретёт долгожданное освобождение?

— Зачем тогда заводить речь о ком-то другом в моём присутствии? — прищурившись, Сяо Юй смотрел на Гу Цзюэ, словно пытаясь заглянуть сквозь его выражение лица в самые сокровенные глубины его души.

Гу Цзюэ слегка изогнул губы в улыбке:

— Мне тоже не хочется вспоминать о посторонних. Было бы хорошо, если бы Ваше Величество не ходил к другим наложницам. Разве сегодня вам не нужно заниматься государственными делами?

Видя, как уголки его губ поднимаются в улыбке — куда более искренней, чем минуту назад, когда здесь находился Гу Мин, — Сяо Юй помрачнел в лице:

— Сегодня я не занимаюсь государственными делами.

— И даже не нужно наносить утренний визит вдове-императрице?

Сяо Юй ответил:

— Сегодня мой день рождения.

— Верно, это я задал лишний вопрос, — промолвил Гу Цзюэ. — Раз сегодня день рождения Вашего Величества, грех упускать редкую возможность отдохнуть. Может быть, я составлю вам компанию и мы прогуляемся?

Сяо Юй на мгновение замер, услышав предложение Гу Цзюэ:

— Ты составишь мне компанию на прогулке?

Гу Цзюэ пояснил:

— Обычно Ваше Величество по горло занят государственными делами, и в этот редкий день досуга вы снова запрётесь в Зале Цяньюань? Давайте прогуляемся, хотя бы развеетесь.

Если вслушаться, эти слова звучали точь-в-точь как прежде, и на какое-то мгновение Сяо Юю даже показалось, будто ничего не изменилось. Гу Цзюэ всегда был мастером на всевозможные выдумки в этой задней части дворца. В те времена, когда в гареме еще не было других наложниц, стоило Сяо Юю запретить ему приходить в Зал Цяньюань, как он начинал ждать государя здесь, в глубинтере дворца.

Когда Сяо Юй только взошел на престол, государственных забот было куда больше, чем сейчас, поэтому он едва ли навещался во внутренние покои дважды за месяц. И всё же каждый раз, приходя к Гу Цзюэ, он непременно заставлял того за каким-нибудь новым развлечением. Гу Цзюэ вечно уговаривал его не засиживаться над делами и, раз уж нельзя покидать дворец, побольше прогуливаться внутри стен. То они играли в туху, то запускали воздушных змей — у Гу Цзюэ всегда находилась уйма затей, и Сяо Юй понятия не имел, откуда в его голове бралось столько идей для развлечений.

Тогда на лице Гу Цзюэ при виде него всегда сияла улыбка, а в глазах словно мерцали звезды.

В голове Сяо Юя пронеслась вспышка воспоминаний, и с его губ уже сорвалось:

— Хорошо.

Услышав столь легко согласие Сяо Юя, Гу Цзюэ почувствовал легкое удивление: он думал, что тот откажется, но впрочем, отказ или согласие не имели никакого значения.

Раз уж прозвучало согласие, Гу Цзюэ, даже очнувшись только что после тяжелой болезни, был вынужден переодеться и отправиться на прогулку вместе с Сяо Юем.

Они шли по Императорскому саду. Пожалуй, из-за перемены в душевном настроении Гу Цзюэ мог теперь спокойно любоваться цветами османтуса. Черты его лица смягчились; он вдыхал тонкий аромат и видел, как ярко цветут ветви османтуса, хотя сезон цветения, должно быть, подходил к концу — земля была усыпана множеством опавших лепестков, образовавших плотный, но очень красивый ковер.

Гу Цзюэ задержался ненадолго, обратив на это внимание, но Сяо Юй шагал не останавливаясь, и ему пришлось последовать за ним. Однако вскоре Сяо Юй сам замер на месте:

— Какая скука.

Он посмотрел на спутника:

— Ты вытащил меня сюда, но не подготовил ровно ничего? В мой день рождения ты не

приготовил ни единой вещи, кроме миски никчемной лапши?

Никчемная лапша...

Гу Цзюэ поджал губы:

— У меня ничего нет, прошу Ваше Величество простить мое разочарование.

Сяо Юй расвирепел:

— Разочаровать?

Он рассмеялся от гнева:

— Раз ты ничего не подготовил, давай я подскажу тебе идею. Помнишь, в первый год твоего пребывания во дворце на мой день рождения ты облачился в алые одежды и танцевал с мечом передо мной? Сегодня снова мой день рождения — исполни-ка танец с мечом, дай мне взглянуть, не растерял ли ты за два года былого мастерства.

Руки Гу Цзюэ под рукавами судорожно сжались. Танец с мечом?

Будь это обычный танец, Гу Цзюэ сейчас не нашлось бы ничего, чего он не смог бы сделать перед Сяо Юем. Но тот давний танец с мечом в день рождения государя был исключением. В то время в гареме еще не было других людей, но Сяо Юй жаловал внутренние покои нечасто. Пылая искренней любовью к императору, Гу Цзюэ, разумеется, жаждал, чтобы тот навещал его чаще, а когда кровь бьет в голову, человек неизменно совершает глупости.

Будучи мужчиной, Гу Цзюэ боялся, что не сможет понравиться Сяо Юю так же, как женщины, и потому придумал дурацкий план. В день рождения Сяо Юя он станцевал соблазнительный танец, охмелев от капли вина и ведя себя куда более разнузданно, чем девицы из весёлых домов, после чего набросился на Сяо Юя. Сяо Юй тогда стерпел, но впоследствии пришел в ярость, обозвал его бесстыдным и подлым, да еще и заставил стоять на коленях в наказание.

В тот раз Сяо Юй впервые назвал его подлым. Его сердце тогда разорвалось, точно от удара клинка, кровотока и причиняя невыносимую боль. С тех пор он усвоил урок и больше никогда не смел танцевать с мечом перед Сяо Юем.

— Что такое? Забыл, как танцевать? — холодно произнес Сяо Юй. — Впрочем, верно: в этой одежде не слишком удобно, а возможно, ты просто запамятовал. Почему бы тебе не переодеться и хорошенько не вспомнить, как ты когда-то соблазнял меня? Это куда интереснее, чем глазеть по сторонам, не находишь?

На мгновение в голове Гу Цзюэ воцарился беспорядок. Но в этот самый момент до него донесся чей-то окрик, доносившийся издалека:

— Дядич!

Кто во дворец мог назвать Сяо Юя дядичем? Разумеется, только Сяо Чунь.

Мысли Гу Цзюэ путались, и он инстинктивно хотел отвернуться, устремив взгляд на Сяо Чуня. Он рассчитывал увидеть только его, но в следующее мгновение его глаза сами собой расширились от изумления. Он не смеялся и не верил тому, что видел, глядя на человека рядом с Сяо Чунем.

Это была женщина в светло-голубом платье, изящная и грациозная. Когда она подошла ближе, Гу Цзюэ задержал дыхание, разглядывая ее лицо: те же брови, те же глаза — вылитая Гу Ляньюэ! Стоявшая перед ним девушка была похожа на Гу Ляньюэ словно две капли воды! Если бы Гу Ляньюэ не погибла более трех лет назад, он бы на секунду решил, что она воскресла из мертвых!

Гу Цзюэ был настолько поражен, что даже не заметил приближения Сяо Чуня. Всё его внимание было приковано к девушке, до боли напоминавшей Гу Ляньюэ. Он невольно разглядывал её снова и снова: брови, глаза, нос, губы и даже родинку в уголке глаза — всё было абсолютно идентичным! Невозможно было найти ни единого отличия!

Как в этом мире мог кто-то быть настолько похожим на другого человека?!

Гу Цзюэ даже не успел прийти в себя, как увидел, что женщина, заметив стоявшего рядом с ним Сяо Юя, мгновенно залилась слезами. С трепещущими губами она уставилась на императора, а затем протянула к нему руки:

— Цзиньчэнь... неужели ты меня не узнаешь? Это же я, Ляньюэ.

На миг Гу Цзюэ потерял дар речи.

Ему показалось, будто в голове прогремел раскат грома. Знакомая внешность, знакомый голос и эти слова опустошили его разум так, что он даже утратил способность мыслить.

Он застыл на месте, не в силах сдвинуться или отреагировать. А Гу Ляньюэ, заметив, что Сяо Юй безмолвно стоит на месте, уронила первую чистую слезу. Печально взглянув на Гу Цзюэ, стоявшего рядом с государем, она промолвила:

— Видимо, я пришла зря. Мне не следовало пытаться тебя отыскать. У тебя уже есть три дворца и шесть дворов, и вокруг хватает тех, кто готов прислуживать. Всё, что было между нами — лишь прошлое. Пусть будет так, посчитаем, что я вовсе не приходила.

С этими словами она смахнула слезы и повернулась, чтобы уйти. Но не успела она сделать и трех шагов, как Гу Цзюэ увидел, что стоявший рядом с ним человек стремительно бросился вперед.

Затем он собственными глазами наблюдал, как Сяо Юй ухватил Гу Ляньюэ за запястье с таким выражением крайнего неверия на лице, и даже само движение, которым он придерживал её, было наполнено невероятной, трепетной осторожностью.

— Ляньюэ? — в этом вопросе звучало столько сомнений, но взгляд Сяо Юя напрочь отказывался отрываться от лица стоявшей перед ним женщины.

Гу Ляньюэ только что утерла слёзы, но от этого прикосновения они брызнули с новой силой. Затуманенными от влаги глазами она посмотрела на Сяо Юй:

— Это я. Разве ты не помнишь? — всхлипывая, проговорила она. — Я преодолела столько трудностей, чтобы вернуться к тебе... Сегодня твой день рождения, и я думала, что ты обрадуешься, увидев меня.

От этих слов тело и сердце Сяо Юя среагировали быстрее разума: он с силой прижал девушку к груди:

— Я помню тебя, конечно я тебя помню! Как я мог не обрадоваться? Это лучший подарок на день рождения, какой я только получал!

Стоявший в стороне Гу Цзюэ смотрел, как Сяо Юй крепко обнимает Гу Ляньюэ. Солнце светило в самый разгар дня, и его лучи падали на Сяо Юя и его лицо, делая черты императора смазанными, а силуэт на мгновение показался почти прозрачным — словно еще моргание, и он растает без следа.

В боковой дворец Зала Цяньюань он возвращался в полном одиночестве. Гоу Шэн, заметив его возвращение, радостно заметил:

— Слышал, молодой господин ходил на прогулку с Вашим Величеством! Как же император добр к вам.

Но тут же озадаченно нахмурился:

— Ой? А почему Ваше Величество не вернулся вместе с вами?

Гу Цзюэ глянул на Гоу Шэна и холодно произнес:

— Больше он сюда не придет.

— А?

На лице Гоу Шэна застыло крайнее недоумение, а Гу Цзюэ вновь вспомнил, как Сяо Юй ушел с Гу Ляньюэ, не оглядываясь. Он простоял на том месте долгие мгновения, чувствуя, что где-то уже видел подобную сцену. И впрямь видел — Сяо Юй любил Гу Ляньюэ, и Гу Цзюэ не раз доводилось наблюдать их вместе в прошлые дни.

Прошло больше трех лет! Человек, которого все считали погибшим три года назад, вернулся!

С того самого мига, как он увидел Гу Ляньюэ, и до ухода Сяо Юя с ней, и до того момента, когда он сам, остолбенев, даже не заметил ухода Сяо Чуня, в его голове пронеслись тысячи мыслей, а может, не было ни одной.

Всё вокруг казалось ему безумно абсурдным.

Ему даже мерещилось, будто он спит.

Хлоп! Он резко поднял руку и ударил себя по лицу. Ладонь шлепнула по маске: боли на щеке не было, зато ладони жгло.

Он тупо уставился на собственную ладонь. Нет, дело было даже не в том, что нынешнее казалось сном — если Гу Ляньюэ вовсе не умирала, разве вся его жизнь за последние три с лишним года не превратилась в один сплошной кошмар?

Сяо Юй утверждал, что Гу Ляньюэ погибла из-за него, и именно поэтому привел его во дворец — чтобы унижать. И сейчас он поступал ровно так же: каждый его поступок совершался ради Гу Ляньюэ. Но ведь Гу Ляньюэ была жива!

— Ха-ха-ха-ха.

На секунду Гу Цзюэ показалось, что он сошел с ума — он действительно рассмеялся:

— Какая нелепость! Как же всё это нелепо!

Он уткнулся лицом в стол, содрогаясь от смеха, словно услышал самую грандиозную шутку в мире. И этой шуткой был он сам.

Этой же ночью у Гу Цзюэ поднялся сильный жар.

Когда Гоу Шэн обнаружил это, всё тело Гу Цзюэ уже пылало красным. Перепуганный слуга не смел позволить ему заспать и принялся будить его.

Гу Цзюэ чувствовал себя так, словно его бросили в печь. В голове шумело, конечности и суставы размякли, каждый выдох обжигал горло, а голос охрип до такой степени, что он не мог произнести ни слова. Лишь когда Гоу Шэн приподнял его и напоил водой, стало чуть полече.

Тут Гоу Шэн запаниковал:

— Я... я пойду доложу Вашему Величеству.

— Нет... — Гу Цзюэ успел выговорить лишь одно слово, как Гоу Шэн уже выбежал прочь.

Гу Цзюэ во все глаза смотрел ему вслед. Он попытался приподняться, опершись на руки и ноги, но тут же рухнул обратно на постель, ударившись грудью так сильно, что перехватило дыхание. В глазах помутилось, и он чуть не потерял сознание.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем он снова услышал возню за дверью. Повернув голову, он увидел вовсе не Гоу Шэна, а другого евнуха. Гу Цзюэ узнал в нем одного из слуг из свиты Ван Хая по имени Сяо Лицзы.

Едва приблизившись, Сяо Лицзы зажал нос и брезгливо окинул взглядом лежащего Гу Цзюэ:

— И впрямь заболел.

Гу Цзюэ почувствовал неладное. Он с трудом сглотнул слюну и лишь спустя несколько мгновений хриплым, ужасно искаженным голосом выдавил:

— Где... где Гоу Шэн?

Сяо Лицзы поморщился от услышанного и скривил губы:

— Он? Отправлен на наказание. Кто просил его орать во весь голос и тревожить покой Вашего Величества?

Сердце Гу Цзюэ пропустило удар:

— Какое наказание?

Сяо Лицзы ответил:

— Палки. Ваше Величество изволил вынести приговор: тридцать ударов палками. Если после экзекуции он останется жив, боюсь, всё равно останется калекой. Такой сопляк — и угораздило же его служить такому хозяину, поистине не повезло.

— Кхе-кхе-кхе-кхе... — услышав это, Гу Цзюэ зашелся в яростном кашле.

Сяо Лицзы испугался этого кашля. Быть может, остальные не знали, но уж они-то были в курсе, чем болен Гу Цзюэ! У него же чахотка!

Сяо Лицзы торопливо отступил на шаг назад и принялся отчаянно махать перед собой рукой, словно отгоняя скверну. Ему явно не терпелось уйти:

— Раз ты и вправду болен, лекарь, конечно, навестит тебя.

С этими словами он развернулся. Сделав несколько шагов к выходу, Гу Цзюэ услышал его презрительное бормотание себе под нос:

— Всего лишь мужчина-фаворит, да к тому же замена. Ишь возомнил себя ровней настоящей госпоже. Знал ведь, что госпожа Гу вернулась, но все равно полез среди ночи искать неприятностей, совсем ума лишился.

Дыхание Гу Цзюэ участилось, перед глазами заплескали темные круги. Гоу Шэн... Гоу Шэн... В памяти внезапно всплыл тот день с Хуашэном.

Тогда Сяо Юй заставил Хуашэна отбыть наказание вместо него, сыпав тому целых пятьдесят ударов палками. В тот день он выбежал из Дворца Чжаоян, но, не найдя Сяо Юя, был остановлен стражей. Как бы он ни рвался наружу, увидеться с императором и вымолить пощаду не удавалось, а когда он наконец добрался до Хуашэна, тот был уже при смерти. И теперь... он сам лежит на кровати, пока Гоу Шэн принимает наказание снаружи...

В голове Гу Цзюэ мелькнули бесчисленные кровавые картины.

Он попытался подняться на подкосившихся ногах. Поднялся, но тут же сорвался с постели и рухнул на пол, чувствуя острую боль. Стиснув зубы, он ухватился за ножку стола, пытаясь встать. Собрав последние силы, он поднялся, но в этот же миг в глазах снова потемнело, а мир закружился. Стиснув зубы до боли, он тряхнул головой и шаткой походкой вывалился из комнаты.

Сяо Лицзы еще не успел отойти далеко. Заметив выбравшегося наружу Гу Цзюэ, он испуганно обернулся и подбежал к нему:

— Ты это что удумал?

— Проведи меня к Вашему Величеству!

Сяо Лицзы почувствовал себя так, будто связался с проклятым:

— Ты собрался идти? Сейчас весь дворец знает, что та самая госпожа Гу вернулась! Если ты пойдешь туда, тебя выволокут во двор и забьют палками, как того дурака Гоу Шэна! К тому же уже поздно рыпаться. В твоём полудохлом состоянии — что ты успеешь сделать, пока доплетешься? Экзекуция уже завершена, спасти некого!

Завершена, спасти некого...

В сознании Гу Цзюэ образ избитого до полусмерти Хуашэна встал с пугающей четкостью. Ведь с Гоу Шэн они были знакомы всего ничего, но снова... снова из-за него пострадал невинный человек?

Умрет ли он? Или останется калекой?

Из-за него? Снова из-за него!

Хбысь! Гу Цзюэ внезапно вырвало кровью. Последние крупички изрезанных в кровь сил испарились — он больше не мог держаться. Перед глазами окончательно потемнело, и прежде чем провалиться в небытие, он услышал испуганный визг Сяо Лицзы, после чего погрузился в абсолютную темноту.

Сяо Юй был погружен в эйфорию. Радость от обретения утраченного сделала этот день счастливее любого из дней за последние три года. Узнав, как тяжело пришлось Гу Ляньюэ всё это время, он испытывал к ней ещё большую жалость. Слезы, пролитые ею в минуты душевной боли, отпечатались в его сердце; он боялся, что воспоминания о пережитых тяготах причинят ей ещё больше страданий, и даже не хотел позволять ей продолжать рассказ. Когда прибежал Гоу Шэн с докладом, Сяо Юй как раз обнимал Гу Ляньюэ.

Услышав имя Гоу Шэна, он лишь тогда вспомнил о Гу Цзюэ. В тот момент, поддавшись порыву эмоций, он просто оставил Гу Цзюэ в Императорском саду, полагая, что тот должен проявить благоразумие. Кто же знал, что он, прекрасно ведая о возвращении Гу Ляньюэ, посмеет припереться среди ночи, чтобы устроить скандал?

Что это было? Борьба за благосклонность? Он вздумал соперничать за внимание с Гу Ляньюэ? Да он и мизинца её не стоил!

Поэтому евнуха без лишних слов приказали утащить и высечь палками. Но после этого на душе у императора почему-то заскреблось смутное беспокойство.

Прежде Гу Цзюэ и вправду боролся за его внимание: стоило государю направиться в покои других наложниц, как тот непременно присылал кого-нибудь с вестью о том, что приготовил очередную диковинку. Но стал бы он вести себя так теперь?

Гу Ляньюэ, заметив озабоченность на лице Сяо Юя, спросила:

— Что с тобой?

Улыбнувшись, Сяо Юй погладил ее по руке и покачал головой:

— Ничего. Поздно уже, отдохни пока.

Гу Ляньюэ замерла, закусив нижнюю губу:

— Я думала, ты останешься со мной.

Она бросила на возлюбленного долгий, полный влажного блеска взгляд из-под ресниц.

Сяо Юй ответил ей нежной улыбкой, в которой таилась глубокая ласка:

— Остаться с тобой? Ты только что вернулась, твое тело еще ослабло, и я боюсь навредить тебе сгоряча. Ты уже вернулась ко мне, разве нам мало времени впереди? К тому же я не позволю тебе оставаться рядом со мной без статуса и имени.

Гу Ляньюэ приоткрыла губки:

— Цзиньчэнь, ты...

Сяо Юй провел ладонью по ее щеке:

— Я люблю тебя, Ляньюэ, а потому дам тебе самое лучшее. Я сделаю так, чтобы ты вошла в мой дом с честью, и хочу, чтобы все знали: ты — моя самая любимая женщина. Так что не спеши, дождемся нашей свадьбы, хорошо?

От этих слов Гу Ляньюэ густо покраснела, а в ее глазах засияла еще более нежная преданность. Прильнув к груди Сяо Юя, она прошептала чуть слышно, словно в бреду:

— Ты так добр ко мне.

Сяо Юй поглаживал ее по спине, пока она не легла в постель в ожидании сна, и лишь после этого покинул покои. Выйдя из спальни Гу Ляньюэ, он холодно бросил ожидавшему Ван Хаю:

— Забили до смерти?

Ван Хай опешил, сообразив, что император спрашивает о том самом дерзком слуге:

— Нет, жив. Приказал отнести его в сторожку для лечения.

Помедлив, он добавил:

— Этот раб проявил излишнюю самостоятельность и послал людей во дворец молодого господина Гу проверить, не нужно ли чего.

Сяо Юй зашагал медленнее, бросив на Ван Хая косой взгляд:

— Слишком много на себя берешь!

Ван Хай склонил голову:

— Этот раб виновен, пусть Ваше Величество накажет меня.

Больше не сказав ни слова, Сяо Юй лишь холодно фыркнул:

— Знал ведь, что Ляньюэ вернулась, но все равно явился докучать. Я посмотрю, какие еще фокусы он вздумает выбросить.

Произнося эти слова, Сяо Юй ожидал увидеть Гу Цзюэ, который из ревности к Гу Ляньюэ намеренно ломает комедию или устраивает очередную истерику. Но он никак не ожидал, что, подойдя к дверям зала, увидит Гу Цзюэ, рухнувшего на пороге сразу после того, как из его рта фонтаном хлынула кровь.

Сяо Юй видел, как Гу Цзюэ харкает кровью, уже не вперёд. В первый раз лекарь прямо сказал, что тому осталось жить недолго. Во второй раз — совсем недавно — он снова услышал, что подобные кровохарканья сокращают жизнь и Гу Цзюэ не протянет долго, требуя тщательного ухода. И вот сегодня — в третий раз...

Гу Ляньюэ вернулась, и на душе у него было так радостно, что казалось, будто сама жизнь наконец обрела полноту. Но увидев этот плевок крови, Сяо Юй стремглав бросился вперед, пытаясь подхватить падающего человека, но не успел — Гу Цзюэ тяжело рухнул на землю. От этого падения в груди Сяо Юя что-то оборвалось, словно его самого полоснули ножом, и в это мгновение сердце едва не остановилось.

Слуги за его спиной остолбенели от вне выпавшего зрелища. Сяо Юй опустился на колени рядом с ним — в отличие от прошлых раз, сейчас он почему-то до панического страха боялся протянуть руку и коснуться его.

Только когда Ван Хай иступленно завопил:

— Живо, занесите молодого господина внутрь!

Сяо Юй резко опомнился, подхватил бесчувственное тело на руки и вскинул покрасневшие глаза на прочих слуг, которые собирались подойти, глядя на них с яростью дикого зверя, защищающего свою добычу.

От одного его взгляда все слуги оцепенели и не посмели сделать ни шагу.

Сяо Юй внес Гу Цзюэ внутрь. Ван Хай уже побежал за лекарем.

Уложив юношу на кровать, Сяо Юй обнаружил, что его одежда испачкана кровью Гу Цзюэ. Стоя у изголовья с почерневшим лицом, он дождался вернувшегося Ван Хая и холодно бросил:

— Где лекарь?

Ван Хай ответил:

— Уже послали гонца.

Сяо Юй в третий раз смотрел на лежащего без чувств Гу Цзюэ, но на этот раз его охватила невиданная доселе, глухая паника.

<http://bllate.org/book/21167/2144655>